

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

ИСЛАМ

**РЕЛИГИЯ,
ОБЩЕСТВО,
ГОСУДАРСТВО**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984**

ББК 86.38
И 87

Ответственные редакторы
П. А. ГРЯЗНЕВИЧ, С. М. ПРОЗОРОВ

**Ислам. Религия, общество, государство. М.,
И 87** Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1984.

232 с.

В основу статей сборника легли доклады, прочитанные на ежегодных сессиях ленинградских арабистов начиная с 1976 г. Собранные вместе, они составили как бы единое исследование таких аспектов истории ислама, как возникновение мусульманской религии и Коран; религиозно-политическая идеология ислама и ее развитие; ислам и общество; ислам и государство.

И $\frac{0400000000-174}{013(02)-84}$ 15-84

ББК 86.38

ИСЛАМ

Религия, общество, государство

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Л. В. Негря. Младший редактор И. И. Исаева. Худож-
ник Г. И. Шиф. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический
редактор В. П. Стуковнина. Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 14889

Сдано в набор 20.03.84. Подписано к печати 29.08.84. А-0128э1. Фор-
мат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. п. л. 14,5. Усл. кр.-отг. 14,75. Уч.-изд. л. 16,2.
Тираж 15 000 экз. Изд. № 5606. Зак. № 209. Цена 1 р.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

И. Ш. Шифман

О НЕКОТОРЫХ УСТАНОВЛЕНИЯХ РАННЕГО ИСЛАМА

О запрете пить вино

Одно из наиболее известных установлений ислама, восходящее, согласно традиции, непосредственно к Мухаммаду, — запрещение пить вино. В кораническом тексте II, 216/219 (старейшая мединская сура, датируемая временем до 15 марта 624 г., т. е. до битвы при Бадре)¹ сказано: «Они спрашивают тебя о вине и майсире. Скажи: „В них обоих — великий грех и некая польза для людей, но грех их — больше пользы“». В последней по времени суре, пятой, датируемой 627—629 гг., о пользе, которую можно извлечь из вина, уже не говорится: «О вы, которые уверовали! Вино, майсир, жертвенники, стрелы — мерзость из деяния сатаны. Сторонитесь же этого, — может быть, вы окажетесь счастливыми! Сатана желает заронить среди вас вражду и ненависть вином и майсиром и отклонить вас от поминания Аллаха и от молитвы. Удержитесь ли вы?» (V, 92/90—93/91).

Приведенные тексты рассматривают употребление вина как греховное деяние, стоящее в одном ряду с идолопоклонством. Как показывают приведенные выше датировки, запрещение пить вино определенно формулируется в проповеди Мухаммада после хиджры и повторяется неоднократно, причем исходным является именно предствление о винопитстве как о грехе.

Тем более странным и неожиданным оказывается тот факт, что в сурах того же периода имеются, казалось бы, диаметрально противоположные высказывания. Так, из суры XLVII, 16/15 (вскоре после битвы при Бадре) мы узнаем, что в раю уверовавших ожидают «реки вина, приятного для пьющих»; в суре LXXXIII, 25 (мединская?) говорится, что в раю «поят их (верующих. — И. Ш.) вином запечатанным». Даже при жизни Коран не возбраняет употребление сикеры (не вина!) — опьяняющего напитка, известного на Ближнем Востоке с глубокой древности: «И из плодов пальм и лоз вы берете себе напиток пьянящий (skr) и хороший удел. Поистине, в этом — знамение для людей разумных!» (XVI, 69/67). Таким образом, Коран возбраняет только вино и только при жизни. Он не запрещает употребление сикеры и других опьяняющих напитков, он обещает верующим возможность пить вино после смерти, в ином мире.

Возникает вопрос: откуда исходит это запрещение, каков его социально-этический смысл?

Неупотребление вина считалось, по-видимому, одной из характерных особенностей бедуинской жизни, идеализированной древней ближневосточной традицией. По описанию Диодора (XIX, 94), арабы-набатеи, ведшие кочевой образ жизни, воздерживались от употребления вина, не строили домов и не сеяли хлеб; преступившие это установление карались смертью. Бог Шай' ал-Каум, культ которого был широко распространен у бедуинов (о чем свидетельствуют многочисленные североарабские надписи), согласно CIS II, 3973 (пальмирская надпись от имени воина-набатея), «не пил вина» (l' št' ḥmr'); его греческая ипостась Ликург, сын Ареса, бог и царь арабов, согласно «Дионисиакам» Нонна Панопольского (кн. 21–22), был антагонистом Диониса, не знавшим вина (ἀβίχνευτος). Показательно, что Душара — главное божество оседлых набатеев — часто отождествляется именно с Дионисом.

Известный отрывок из Книги Иеремии (XXXV, 6–10), где излагается учение секты рехавитов, показывает, что в обстановке острых социально-политических конфликтов VI в. до н. э. кочевой образ жизни представлялся некоторым кругам оседлых иудеев своего рода идеалом, подчеркнуто противопоставленным городской оседлой жизни со всеми ее общественными неустойчивостями. Такого рода воззрения, по-видимому, в свою очередь, восходят к древнейшему противопоставлению угодного богу кочевничества и скотоводства неугодному богу оседлому земледелию, что нашло свое отражение, в частности, в известном предании о Каине и Авеле². Рехавиты призывали возвратиться к кочевой жизни с ее свободой от пут цивилизации. Их заповеди рисуют картину жизни, точно совпадающую с тем, как Диодор изображает быт и нравы набатеев. На первом месте среди заповедей рехавитов стоит неупотребление вина: «Не пейте вина вы и дети ваши никогда, и дом не стройте, и семя не сейте, и виноградник не насаждайте, и да не будет этого у вас, но в шатрах пребывайте все дни ваши, дабы вы жили долгие дни на земле, которую вы населяете».

Приведенный выше материал позволяет представить себе употребление вина (именно вина, а не других напитков) как черту, присущую, по представлениям ближневосточной древности, горожанам; это более или менее точно соответствует и ситуации в Аравии времени возникновения ислама, где употребление вина имело место главным образом в городах. Соответственно запрещение пить вино может быть понято как элемент социально-этической проповеди Мухаммада, восходящей (независимо от того, сознавал это Мухаммад или нет) к древним, общим для всего Ближнего Востока представлениям, идеализирующим кочевую жизнь. Однако заслуживает внимания тот факт, что, хотя употребление вина и не было чрезмерно распространено в бедуинском обществе времени возникновения ислама, в

арабской доисламской поэзии многократно говорится о питье вина и опьянении, что, несомненно, противоречит сказанному выше. Проблема происхождения этого мотива и его роли, в частности в арабской доисламской поэзии, нуждается, очевидно, в специальном исследовании; думается, однако, что не будет слишком смелым предположение, согласно которому его появление и закрепление было следствием своеобразного бунта против древних установлений и традиционного образа жизни (ср. аналогичные явления в древнегреческой поэзии: например, широкое распространение стихотворений о бегстве воина, бросившего щит, с поля боя). Тогда проповедь Мухаммада могла бы быть направлена против отступников, нарушителей древних установлений; отсюда и представление о питье вина как о грехе, т. е. сакральном преступлении.

О запрете вкушать свинину

Запрет употреблять в пищу свиное мясо (*лахм ал-хинзир*) встречается в Коране неоднократно. Так, в суре VI, произнесенной незадолго до хиджры, сказано: «Вкушайте то, что даровал вам Аллах, и не следуйте по стопам сатаны! Ведь он для вас — явный враг» (143/142); и далее (146/145): «Скажи: „В том, что открыто мне, я не нахожу запретным для питающегося то, чем он питается, только если это будет мертвечина, или пролитая кровь, или мясо свиньи, потому что это — скверна, — или нечистое, которое заколото с призыванием не Аллаха. Кто же вынужден, не будучи распутником или преступником, — то господь твой — прощающ, милосерд!“» Примерно то же говорится и в суре II (167/172—168/173): «О вы, которые уверовали! Ешьте блага, которыми Мы вас наделили, и благодарите Аллаха, если Ему вы поклоняетесь. Он ведь запретил вам только мертвечину, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото не для Аллаха. Кто же вынужден, не будучи нечестивцем и преступником, — нет греха на том: ведь Аллах прощающ, милосерд!» В этой же суре (163/168—164/169) запрет мотивируется следующим образом: «О люди! Ешьте то, что на земле, дозволенным, благим, и не следуйте по стопам сатаны, — ведь он для вас враг явный! Он приказывает вам только зло и мерзость и чтобы вы говорили на Аллаха то, чего не знаете». В суре XVI (115/114—116/115; стихи мединские): «Ешьте же то, что даровал вам Аллах дозволенным, благим, и благодарите милость Аллаха, если Ему вы поклоняетесь! Запретил Он вам только мертвечину, кровь, мясо свиньи и то, над чем призывалось имя не Аллаха. А если кто вынужден, не будучи преступником и врагом, — то ведь Аллах прощающ, милостив!» Наконец, в суре V сказано (1): «О вы, которые уверовали! Будьте верны в договорах. Дозволено вам всякое животное из скота, кроме того, о чем читается вам, без дозволения для вас охоты, когда вы в хараме.

Поистине, Аллах решает то, что захочет!» И далее (там же, 4/3): «Запрещена вам мертвечина, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото с призыванием не Аллаха, и удушенная, и убитая ударом, и убитая при падении, и забоданная, и то, что ел дикий зверь, — кроме того, что убьете по обряду, — и то, что заколото на жертвенниках, и чтобы вы делили по стрелам. Это — нечестие. Сегодня отчаялись те, которые не веровали, в вашей религии; не бойтесь же их, а бойтесь Меня».

В исследовательской литературе предпринимались попытки объяснить этот запрет соображениями экологической целесообразности (поскольку разведение свиней представляло угрозу экологической системе Ближнего Востока, так как свинья — лесное животное и подрывает речные берега)³ либо экономическими причинами (прокорм свиней требовал якобы больших затрат продовольственного зерна)⁴ и даже (в том, что касается ислама) стремлением Мухаммада не допустить скармливания зерна свиньям и обратить излишки зерна на нужды мусульманской общины, в частности на поставки зерна кочевым племенам⁵. Характерной чертой этих теорий являются приписывание древним законодателям современных воззрений, которых они иметь не могли, и полное игнорирование реальной исторической ситуации.

Как можно видеть, коранический запрет употреблять в пищу свинину обосновывается тем, что противоположное деяние — это следование по стопам сатаны, мерзость и нечестие, иначе говоря, вкушение свинины представлено сакральным преступлением, хотя и прощательным в исключительных ситуациях. Очевидно, и причину запрета следует искать в религиозной сфере. В связи с этим показателен контекст запрета; вместе со свининой запрещается все то, что не убито должным образом (т. е. на охоте с соблюдением охотничьей обрядности), мясо жертвоприношений не Аллаху, т. е. языческим богам (запрещается участие в соответствующих культах), а также кровь. Запрет поедания крови, известный и за пределами мусульманского мира, хорошо объяснен в параллельном библейском законодательстве (Лев. III, 17; VII, 26—27; XVII, 10—16; Втор. XII, 16 и 23; XV, 23): в крови находится душа живого существа (*nāpāš habbašār baddām hī; nāpāš kol bašār dāmō*). Перед нами, очевидно, мифологические представления, связывающие поедание крови с обретением сущности поедаемого, его души. Библейский законодатель, вероятно, хотел этого избежать (скажем, превращения человека в барана или быка).

Как известно, запрет употреблять в пищу свинину встречается на Ближнем Востоке уже в глубокой древности. Библейское законодательство содержит четкие и недвусмысленные указания по этому поводу. В Лев. XI, 7 читаем: «И свинью (*āṭ haḥāzīr*) <не ешьте>, ибо у нее раздвоено копыто и она жвачку не жует, нечиста она для вас». Втор. XIV, 8 почти дословно повторяет этот же текст. Нечистота свиньи в данном случае — ри-

туальна; однако остается неясным, почему именно сочетание указанных признаков делало свинью ритуально нечистой. Аналогичный запрет существовал и у финикийян (Porph., De abstin., I, 14; Herodian., V, 6), а также у сирийцев-арамеев (Ps.-Luc., De Dea Syr., 54). Автор трактата «О сирийской богине» утверждает, что сирийцы воздерживаются от употребления свинины либо из отвращения к этому животному, либо потому, что считают его священным⁶.

В нашем распоряжении, однако, имеются свидетельства, говорящие об использовании свинины в ритуальных целях. Так, Ис. LXVI, 3 говорит о принесении свиной крови в жертву типа *минха* (*ma'ālē minḥā dam ḥāzīr*). В Ис. LXV, 4 упоминаются «сидящие в гробницах, и в потаенных местах ночуют они, вкушающие свиное мясо» (*hā'ōkēlīm bēšar haḥāzīr*); здесь вкушение свинины связано с обрядностью культа усопших (а возможно — и с приобщением к какому-то сакральному знанию через квазисмерть) и каких-то ближе неизвестных тайных мистерий. В Ис. LXVI, 17 говорится о совершающих сакральные церемонии в садах (*hammiṭqaddēšim wēhammiṭḥārim 'āl haggannōt*), т. е. участвующих в обрядности культа Таммуза-Адониса, вкушающих свиное мясо (*'ōkēlē bēšar haḥāzīr*), и скверну, и мышей. В этом случае, поставленное в один ряд со служением Таммузу-Адонису, вкушение свиного мяса — это, несомненно, ритуальная трапеза. Согласно сообщению Ибн ан-Надима об одной группировке харранских сабиев, которых он называет *арифусайн* и которые продолжали традиции ближневосточного язычества, мясо свиньи вкушалось в определенные дни адептами культа при принесении ее в жертву⁷. Наконец, отметим, что, по финикийскому мифу, Адониса — умирающего и воскресающего бога — убивает кабан, в котором воплощено враждебное божество.

Эти отрывочные и разновременные свидетельства, сведенные воедино, позволяют высказать следующее предположение. Запрет употреблять в пищу свинину был повсеместным явлением в переднеазиатском Средиземноморье, и нарушался он только при принесении свиньи в жертву. В повседневной ситуации вкушение свинины было невозможно, так как означало бы воспроизведение специфического обряда, приуроченного к строго определенной ситуации. В свете сказанного получает свое объяснение представление о нечистоте свиньи; как показывают некоторые талмудические параллели, ритуально нечистым считался тот, кто прикасался к священным предметам, в частности к библейским книгам. Нечистота представляется своего рода оборотной стороной священности. В библейских предписаниях этот аспект уже исчезает, остается только нечистота; самый запрет вытекает из запрета участвовать в соответствующих жертвоприношениях (ср. запрет варить козленка в молоке его матери, т. е. запрет участвовать в обрядности брака, описанной в угаритском тексте о рождении богов).

В Коране запрещение есть свинину восходит, по всей видимости, к аналогичному кругу представлений, унаследованных от глубокой древности, бывших общими как для северо-западных, так и для южных семитов.

Возникновение культа Ка'бы в свете сравнительного ханаанейско-аморейского материала

Одна из проблем ранней истории арабов — происхождение культа Ка'бы и первоначального (до ислама) его содержания — остается до настоящего времени не решенной. Причиной тому является отсутствие источников, позволяющих сколько-нибудь надежно интерпретировать факт почитания в Мекке черного камня как одной из главных святынь. Достоверно только то, что участок вокруг источника Земзем уже в древности представлял собой заповедное место (так полагал Снук Хюргронье); Птолемей (VI, 7) локализует здесь пункт Макораба, что сопоставляют с эфиопским и южноаравийским *miḡāb* — «храм» (Глазер)⁸. Мусульманское предание, отложившееся в Коране (II, 121/127), приписывает основание Ка'бы Ибрахиму (т. е. Аврааму) и Исма'илу; Ибрахим получил соответствующее повеление от бога, а Гавриил принес ему черный камень. Ат-Табари, комментируя указанный текст Корана, отмечает наряду с этим и другую версию, согласно которой основателем Ка'бы был Адам⁹. Представляется очевидным, что эти предания возникли на почве усвоенной исламом иудейской религиозно-исторической традиции, а потому не могут быть ни исконными, ни древними. В нашем распоряжении, однако, имеется сравнительно-исторический материал, происходящий из ханаанейско-аморейской культурной среды и позволяющий, как кажется, определить тот круг мифологических представлений, с которыми у древних семитов было связано почитание святынь типа Ка'бы.

Отметим прежде всего широкое распространение культа звезд. Для иудейско-израильского общества он с достаточной определенностью засвидетельствован текстом Втор. IV, 19: «...и чтобы ты не поднимал свои глаза к небесам, и не смотрел на солнце, и на луну, и на звезды — все войско небесное (*kol šebā haššāmāyim*), и не соблазнялся, и не поклонялся им, и не служил им, которых уделил Йахве, бог твой, всем народам». Что этот запрет имел в виду реальную культовую практику, едва ли может подвергаться сомнению. О существовании такого поклонения определенно свидетельствуют Амос V, 26 и Дан. VIII, 10. В «Песни Деборы» (Суд. V, 20) сказано: «С небес сражались звезды, с путей своих они сражались с Сисерой». Этот стих, где звезды представлены как божественные сущности, сражающиеся на стороне древнего Израиля против его врагов, напоминает многочисленные эпизоды «Илиады», где боги участвуют в битвах на стороне тех, к кому они благоволят. В «Про-

рочестве Биле'ама» (Числа XXIV, 17), в знаменитом стихе «Восходит звезда от Иакова», истолкованном с течением времени как предсказание прихода Мессии, звезда является воплощением и олицетворением правителя, побивающего врагов; из сопоставления с Суд. V, 20 кажется правдоподобным, что и в данном случае первоначально имелась в виду некоторая реальность — божество, чьим реальным воплощением была звезда, уничтожающая противников древнего Израиля.

Имеются в нашем распоряжении и финикийские материалы, относящиеся к интересующему нас сюжету. Укажем прежде всего на знаменитую надпись из Пирг (КАИ, 277) — посвящение Госпоже 'Астарте «священного места» (lrbt l'štrt 'šr qdš 'z), т. е., очевидно, камеры, специально построенной в храме. Надпись заканчивается словами: «...и годы статуи бога в храме его да будут годы, как звезды эти» (wšnt lm'š 'lm bbtj šnt km hkkbm 'l). В «священном месте» 'Астарты находились изображения звезд или метеориты, служившие объектом поклонения и занимавшие определенное место в культе богини (ср. нахождение в иерусалимском храме Иахве объектов культа звезд). У Филона Библиского (Euseb., Praer. evang., I, 10, 31) сказано, что 'Астарты, обходя вселенную, нашла упавшую с неба звезду и посвятила ее в Тире, на святом острове (περινοστούσα δὲ τὴν οἰκουμένην εὗρεν ἀεροπετὴν ἀστέρα, ὃν καὶ ἀνελομένη ἐν Τύρῳ τῇ ἁγίᾳ νήσῳ ἀφιέρωσε). Речь идет, несомненно, об учреждении культа божества, воплощенного в звезде и явившегося в этом облике на землю своим адептам; само предание восходит явно к тирскому мифологическому циклу. В этой связи существенно еще одно указание Филона Библиского (Euseb., Praer. evang., I, 10, 44), согласно которому Кронос, которого финикийцы называют Элом, царствовал над землей, а после смерти был обожествлен в облике «священной звезды Кроноса» (μετὰ τὴν τοῦ βίου τελευτὴν εἰς τὸν τοῦ Κρόνου ἀστέρα καθιέρωθεῖς). Отсюда можно было бы сделать вывод, что в облике звезды, в том числе и в облике звезды, упавшей с неба, почитался в Тире Эл — верховный бог финикийян.

Таков историко-мифологический контекст культа Ка'бы. Вероятно, к этому следует добавить, что в библейском повествовании об исходе из Египта израильтяне мотивируют свое требование отпустить их из Египта необходимостью совершить паломничество в пустыню на поклонение верховному божеству; паломничество именуется ḥāḡ (ср. араб. ḥaḡḡ^{un}). Очевидно, за использованием одного и того же термина в данном случае скрывается одинаковая обрядность. Роль, которую в Мекке играл источник Земзем, несомненно, совпадает с ролью и сакральным статусом источника Эфка в Пальмире.

Основываясь на изложенном, можно предположить, что на раннем этапе истории Ка'бы черный камень воспринимался как воплощение божества, покровительствующего данному обществу и побивающего его врагов; весьма вероятно, что с самого нача-

ла это был Эл (=Аллах). Кажется правдоподобным, что существовало и предание об учреждении культа каким-то божеством, поместившим черный камень именно в данном пункте, имевшем ореол святости. Более надежные реконструкции можно будет сделать, разумеется, только по обнаружении нового материала.

Заметим еще одну подробность. С Ка'бой связаны предания о том, как она бывала разрушена. Бог послал Змея охранять ее, и, когда курайшиты пожелали в очередной раз разгромить ее, чудовище воспротивилось. Аналогичное предание засвидетельствовано и для позднепунийской среды: заброшенный храм богини Тиннит змеи охраняют от осквернения. И то и другое возникает, несомненно, на основе представлений о связи соответствующих богов с хтоническими силами, а в непосредственно интересующем нас случае говорит в пользу сближения божества Ка'бы (Аллаха) с финикийским Элом-Кроносом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Суры датированы в соответствии с указаниями в комментариях И. Ю. Крачковского.

² Ср.: И. Н. Винников. Социальная сущность сказания о первом бра-тоубийстве.— ПС. Вып. 25 (88), 1974, с. 39—44.

³ M. Haggis. Cows, Pigs, Wars and Witches: the Riddles of Culture. N. Y., 1974, с. 40—42.

⁴ J. Frazer. The Golden Bough. P. 5. The Spirits of the Corn and of the Wild. Vol. 2. N. Y., 1912.

⁵ P. Diener, E. E. Robkin. Ecology, Evolution and the Search for Cultural Origins: the Question of Islamic Pig Prohibition.— «Current Anthropology». Chicago, vol. 15, 1974, № 3, с. 493—540.

⁶ Подробно см.: W. Baudissin. Adonis und Esmun. Lpz., 1911, с. 142—156.

⁷ D. Chwolson. Die Ssabier und der Ssabäismus. Bd 2. St.-Pbg., 1856, с. 42.

⁸ См.: EI. Т. 2, с. 586, где указаны основные материалы и литература вопроса.

⁹ Табари I, с. 408 и сл.